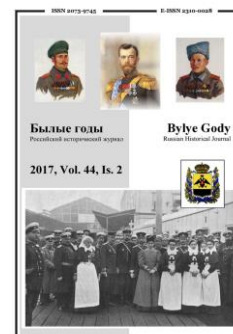


Copyright © 2017 by Sochi State University  
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Russian Federation  
 Co-published in the Slovak Republic  
 Bylye Gody  
 Has been issued since 2006.  
 ISSN: 2073-9745  
 E-ISSN: 2310-0028  
 Vol. 44, Is. 2, pp. 513-524, 2017  
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.513  
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>



UDC 94

## Formation of the System of Public Administration of Youth Policy in the Sphere of University Education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries

Pavel A. Merkulov <sup>a,\*</sup>, Elena N. Malik <sup>a</sup>, Vladimir I. Filonov <sup>a</sup>

<sup>a</sup>Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

### Abstract

The authors presented their conception of historical experience of the formation, development and genesis of state youth policy in pre-revolutionary Russia (second half of XIX – early XX century). The process of institutionalization of state youth policy is considered in the context of university education. The authors prove that this sphere of social policy has determined the establishment of the legal status of students, which is identified by the state purposefully to achieve the postulated goals. Management in the field of state youth policy went in line with the development of the education system in pre-revolutionary Russia, especially in the universities.

The authors consider youth policy as a system-forming institute of public administration, finding expression in the purposeful activity of public authorities of general and special jurisdiction. The main focus is on the creation of the legal framework of youth policy, regulating the activities of the students, teaching corporations and institutions of higher education in general.

The authors clarify that in the conditions of education reforming, in pre-revolutionary Russia in the early 20th century university environment was the scene of formation of the political position of the student leaders. At the same time corporate requirements for students were replaced by political ones and became the leitmotif of the revolutionary-democratic agenda. Pro-government student organizations were actively formed to minimize the influence of radical youth associations on students. Thus, with the development of student corporations, the scope of control over the university life, self-government activities, and above all over ideological and political attitudes was expanding.

**Keywords:** youth, state youth policy, public administration, students, university, education system, higher education.

### 1. Введение

Изучение проблемы становления и реализации молодежной политики определено усилением роли молодежи в развитии российского общества. Процесс становления и реализация молодежной политики в пореформенной России, впрочем, как и до конца существования монархической государственности, осуществлялся достаточно эклектично. В тот период, несмотря на становление молодежи как особой социальной группы, такие институциональные элементы государственной молодежной политики, как специализированное законодательство и органы государственного управления, только начали оформляться.

\* Corresponding author

E-mail addresses: [merkulov-pa@ranepa.ru](mailto:merkulov-pa@ranepa.ru) (P. Merkulov), [malik57-elena@mail.ru](mailto:malik57-elena@mail.ru) (E. Malik), [filonovvi@mail.ru](mailto:filonovvi@mail.ru) (V. Filonov)

## 2. Материалы и методы

2.1. В качестве важных источников, которые легли в основу настоящего исследования, следует назвать материалы таких российских архивов, как: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Новгородской области (ГАНО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива города Москвы (ЦАГМ).

Для анализа проблемы институционализации государственной молодежной политики в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX в.) был привлечен ряд материалов, впервые вводимых в научный оборот. В фондах ГАРФ отложились рукописи Царскосельского дворца (Ф. 543. Оп. 1. Д. 261), раскрывающие особенности развития государственной системы высшего образования. Особую ценность для исследования разнообразных аспектов университетской жизни, попадающих под жесткое регулирование со стороны Министерства Народного Просвещения, представили архивные материалы фонда ЦАГМ, в частности Канцелярии Попечителя Московского учебного округа, журналы заседаний Императорского Московского университета, в частности «Обращение Попечителя Московского учебного округа о введении в Московском университете должности проректора» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68).

Помимо этого были использованы официальные документы Российской империи, в том числе Высочайшие указы, материалы министерств и ведомств (прежде всего Министерства народного просвещения), документы Сената, материалы и стенографические отчеты Государственной думы России и т.д.

Для исследования механизма государственного управления молодежной политикой со второй половины XIX – начала XX в. выступили официальные материалы: «Организация и методика работы в высшей школе» (Организация и методика работы, 1934), «Студенческие корпорации в Петербургском университете» // «Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников» (Студенческие корпорации, 1914).

2.2. Методологические основы изучения сферы управления молодежной политикой в дореволюционной России определяются комплексным подходом к специфике молодежи как особой социально-демографической группы. На протяжении большей части анализируемого нами периода мы относим зачатки интереса к субъектности молодежи со стороны органов государственной власти в рамках системы университетского образования.

С позиции формационного подхода мы приходим к заключению, что институционализация государственной молодежной политики в России началась сравнительно поздно, эту стадию развития органов государственного управления следует отнести лишь к концу XIX века. Применение междисциплинарных методов позволило нам не только проанализировать тексты нормативно-правовых документов, установить их содержание, но и проследить их реализацию в ходе деятельности как специализированных, так и общей компетенции, органов государственного управления, реализовавших молодежную политику в дореволюционной России.

## 3. Обсуждение

### 3.1. Историографический анализ

3.1.1. Изучение основ формирования государственной молодежной политики и органов ее управления в дореволюционной России к рубежу XIX–XX вв. представлено относительно небольшим количеством научных исследований отечественных историков и социологов.

Комплексный анализ организованного молодежного движения в системе элементов государственной молодежной политики в дореволюционный период содержится в работах Д. Рабочего (Рабочий, 1926). Концептуальные основы развития студенчества как специфической социально-демографической группы, испытывающей на себе воздействие государственных социальных институтов в период с конца XIX – начала XX веков, нашли свое отражение в трудах А.Е. Иванова (Иванов, 2004).

3.1.2. Вопросы регламентации деятельности студенческого самоуправления, преподавательской корпорации в условиях институционализации высшего образования раскрываются в исследовании А.И. Авруса (Аврус, 2001). Исследование специфики становления социально-политического потенциала учащейся и студенческой молодежи в дореволюционный период развития российского общества занимались такие ученые, как Л.К. Меркулова, А.А. Черкасов (Меркулова, Черкасов, 2008). Исследованию таких аспектов проведения политики государства в отношении молодых граждан в дореволюционной России, как социализация, формирование патриотических настроений молодежи, посвящены работы В.С. Молчанова, М. Шмигель (Molchanova et al., 2013). Оценки по формированию системы управления сферой молодежной политики в контексте университетского образования даны в работе отечественного исследователя Р.Ш. Ганелина (Ганелин, 1989).

### 3.1.3. Хронологические этапы

Исследования положения студенческой молодежи в условиях реформирования российского образования не находят единого мнения в отношении ее субъектности в системе государственной политики. Изучая различные стадии российской государственности, мы понимаем, что выделение молодежи одновременно как объекта и субъекта политики государства целесообразно увязывать с глобальными изменениями «великих реформ» 60-х гг. XIX в., начатых Александром II, периодом

корректировки реформ («контрреформ») Александра III. Важно подчеркнуть, что собственно университетское образование сформировалось в России к середине XVIII века путем заимствования и освоения лучших практик западного высшего образования (преимущественно немецкого и французского). Параллельно развивался процесс формирования студенчества, но превращение его именно в значимую социальную группу относится ко второй половине XIX века. Далее приводятся наши аргументы, что с этого периода начинается процесс институционализации такого зарождающегося комплексного политико-правового и административного явления, как государственная молодежная политика.

#### 4. Результаты

Сфера образования, как важное социальное направление государственной политики, определила дальнейшее становление правового статуса студенческой молодежи. По мере развития студенчества трансформируется система органов государственной власти, призванных контролировать данную сферу. «Главным механизмом, с помощью которого государство воздействует на молодежь, является реализуемая им государственная молодежная политика» (Елисеев и др., 2015: 73).

Российское студенчество уже ко второй половине XVIII века сформировалось как открытая социальная группа к социально-политическим инновациям и профессиональной интеллектуальной деятельности, что заметно отличало ее от других социальных страт. Но, по нашему убеждению, консолидация российского студенчества как интеллектуальной корпорации с присущими ей общепризнанными демократическими принципами и традициями, состоялась лишь во второй половине XIX в., в т.н. пореформенный период. Российский историк А.Е. Иванов отметил: «Высшая школа была тем каналом, посредством которого в этот в целом привилегированный конгломерат профессионалов вливались в лице выпускников высших учебных заведений свежие пополнения выходцев из демократических сословий. За счет их, детей купцов и цеховых, мещан и крестьян, по изначальной сословной принадлежности со второй половины XIX в. и шло в основном нарастание численности студенчества, а, следовательно, и корпуса интеллигенции» (Иванов, 2004: 40).

В это время студенческая корпорация становится фактически весословной, информационно открытой и уникальной социокультурной группой (Студенческие корпорации, 1934).

Как нам представляется, это связано с рядом объективных обстоятельств:

- во-первых, в этот период наблюдается качественный скачок в численности молодежи; студенты вкупе с учащейся и рабочей молодежью проявляли значительную общественную активность, оказывая немаловажное влияние на происходящие в стране процессы. «Активизация интеллектуальной части общества, его стремление к обретению больших степеней личной свободы вело к обретению его наиболее активной и нетерпеливой частью, студенчеством, осознания собственного значения в процессе общественных преобразований, своих особых интересов, требует от власть предержащих новых способов регулирования общественных отношений» (Сапрыкин, 2009: 120);

- во-вторых, реформы 1860-х гг. послужили толчком для стремительной персонализации российского социума, а также институционализации политической оппозиции, в том числе радикальной направленности, значительная часть которой рекрутировалась из молодежи.

Данные факторы способствовали обращению органов государственной власти к идее целенаправленной социализации молодежи, специального нормативно-правового регулирования данной сферы социальной политики, повышения степени управляемости новыми социальными группами в контексте укрепления государственной системы управления (Урланис, 1968: 54).

Существенное влияние на развитие студенчества, систему высшего образования в целом оказало принятие университетского Устава 1863 года, автором которого следует считать министра народного просвещения А.В. Головина. В разработке данного устава приняли участие представители научной и педагогической интеллигенции России, а именно: Н.И. Пирогов, А.В. Никитенко, П.Л. Чебышев, К.Д. Кавелин, Н.И. Костомаров и др. Данным уставом регламентировалось право университетов на автономное управление, дополнительное финансирование для проведения научных исследований, а также формирование системы зарубежной стажировки и подготовки выпускников вузов к профессорскому званию.

Начинания с императора Петра I меры по становлению системы университетского образования дали свой мультипликативный эффект только через столетие. Со второй половины XIX века в России закрепились такие термины, как «отечественный ученый», «русский ученый», а к середине 1870 года сложилась национальная научная школа по различным отраслям научного знания. «С 1893 по 1917 г., т.е. менее чем за четверть века, численность студентов фактически увеличилась в 5 раз – с 25 до 135 тысяч» (Леонов, 2003: 63). Также следует сказать, что интерес государственных органов к повышению образовательного уровня социальных слоев поддерживался традиционной системой рекрутирования ряда категорий управленцев. В России система высшего образования встала на новый путь развития, и, опираясь на западно-европейский опыт, рациональное образование с петровских реформ начало обретать реальные черты, выразившиеся в использовании новых системных знаний и передовых методов обучения.

Соответственно со второй половины XIX века мы можем говорить о возникновении институциональных элементов особой политики государства в отношении молодого поколения.

Применительно к становлению государственной молодежной политики особенность этапа реформирования и постреформирования заключалась не только в том, что на их фоне создавались новые социальные группы как потенциальные объекты этой политики, но и в том, что возникала «принципиально новая политическая и социально-экономическая ситуация, которая объективно призвала носителей высшей государственной власти к поиску новых методов управления и воздействия на общество» (Molchanova et al., 2013: 90).

Мы разделяем мнение отечественных исследователей, что немаловажным фактором, способствовавшим прогрессии и политизации студенческого движения, стали изменения университетского Устава 1884 г., ликвидировавшие или весьма заметно ограничивавшие академические права и свободы как профессорского корпуса, так и студенческой молодежи. «Он был призван усилить государственное влияние в высшей школе России, которая с точки зрения консервативно-охранительной идеологии перестала соответствовать государственной политике по своему устройству и содержанию преподавания. Реформирование университетов на основе нового Устава 1884 г. должно было стать началом перестройки всей высшей школы по его образцу» (Аблязов, 2006: 106).

Иными словами, роль и влияние образования на общественное развитие значительно возрастали, а вместе с ними возрастало влияние прогрессивного студенчества на молодежную политику государства, которая становится предметом нормативно-правового регулирования органов управления делами молодежи общей компетенции.

Так развивалась система органов, реализующих государственную молодежную политику. Высший уровень управления был возложен на Министерство народного просвещения и попечителей учебных округов, а низший – на университетскую администрацию (Организация и методика работы, 1934). В этот процесс также включались и профессорские корпорации, а в особых случаях, когда речь шла о «ведомственных» вузах, мог вмешаться министр, который по своему влиянию, в т.ч. близости к императору, мог обладать гораздо большим воздействием (Аврус, 2001: 31). Здесь следует вспомнить о петиции наследнику престола, которую в 1878 году подали студенты Медико-хирургической академии с просьбой об академических свободах, что могло спровоцировать репрессии со стороны силовых государственных органов.

Однако военный министр Д.А. Милютин избрал в своем ведомстве иную тактику. В декабре 1878 г. комиссия под председательством министра, управлявшая делами военной академии, официально разрешила избирать на курсах старост и собирать курсовые студенческие сходки. В свою очередь министр просвещения Д.А. Толстой подготовил доклад на высочайшее имя, в котором изложил свой прогноз роста студенческих волнений в других вузах (Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, 1927: 94).

Император Александр II не принял позицию ни одного из министров, а издал Указ о создании комиссии, в состав которой вошли: министры внутренних дел, народного просвещения, финансов, юстиции, путей сообщения, военный министр, а также начальник Медико-хирургической академии, шеф жандармов, статс-секретарь И.Д. Делянов. Председателем комиссии был назначен министр государственного имущества П.Д. Валуев (Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, 1927).

Заседание комиссии состоялось 4 января 1879 г., где министр просвещения Д.А. Толстой в своем докладе высказывался о неприемлемости в вузах политической агитации, которая неизбежна при удовлетворении собственно академических требований студентов.

С альтернативной точкой зрения на совещании выступил военный министр Д.А. Милютин. В своем докладе он призывал к четкой регламентации внутренней студенческой жизни, уточняя основания для принятия решения об обращении в силовые структуры в случае студенческих волнений и «сходок» (Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, 1927: 95).

На наш взгляд, резолюция данного заседания стала начальной ступенью формирования в правительстве Александра II двух генеральных линий государственной молодежной политики – консервативной (охранительной) и либерально-бюрократической. Итоговое решение представляло собой компромисс, суть которого состояла в том, что для студентов Медицинской академии сохранили норму «курсовых сходок» и «академических требований», а попытки студенчества других вузов добиться их распространения подлежали подавлению силовыми методами.

Немаловажное влияние на реализацию основных направлений государственной молодежной политики в сфере академического образования оказывал институт попечителей учебных округов. Они являлись не только должностными лицами системы государственного управления сферой образования, но и выступали инициаторами разработки новых положений в вузовские уставы, устанавливающих усиление контроля со стороны администраций университетов за студентами. В 1877 г. попечитель Московского учебного округа обратился в Московский университет с инициативой введения должности проректора с целью усиления контроля за студенчеством вуза. Должность проректора, по нашему мнению, следует считать одним из элементов развития структуры органов государственного управления в сфере молодежной политики (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л. 2-2 об, 10-11 об).

В свою очередь руководство университета откликнулось на предложение об избрании проректора (инспектора) по надзору за студентами и приступило к проекту новых правил. 17 января



1881 г. на заседании Совета университета была избрана комиссия, и после небольшого постатейного обсуждения и незначительной редакции проект был принят. В целом новый проект правил поведения студентов, по нашему пониманию, был ориентирован на обеспечение плодотворной учебной и научной работы, а также укрепление дисциплины в университете (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л.15 об). Так, новая версия параграфа 126 определила текущий порядок собраний, учреждения студенческих обществ. «По требованию проректора (инспектора или его помощника) студенты обязаны разойтись из зданий Университета, хотя бы даже собрались там для слушания лекций и других дозволенных целей» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л. 2-2 об., 10-11). Редакция параграфа 127 изменила условия проживания студентов: «Никто из студентов не может проживать на квартире иначе как по билету на проживание, выдаваемому от проректора или инспектора». Здесь также следует упомянуть и о параграфе 125, где было введено обязательное наличие билетов для студентов, с которыми они являлись на слушание лекций и подлежали предъявлению по требованию администрации университета. Этот ряд изменений, повлекших расширение сфер контроля за студенчеством со стороны университетского начальства, можно продолжить.

Вместе с тем новые правила наряду с «репрессивными» методами организации студенческой жизни вводили пункты, где прописывались права студентов на «учреждение товарищества (параграф 114), подачу заявлений и прошений (параграф 115), организацию библиотек, читален, вспомогательных или ссудных касс (параграф 119) и ряд других, составлявших традиционные требования в ходе студенческих выступлений» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л. 15об. - 16)

Также отметим, что из-за нежелания кандидатов на пост проректора избираться закрытым голосованием выборы на эту должность немного затянулись. Вместе с тем вопрос о создании студенческих учреждений требовал принципиального разрешения, в связи с чем было проведено внеочередное заседание Совета для разработки «положения о студенческих обществах», где большинством голосов на должность проректора был избран С.А. Муромцев, ординарный профессор юридического факультета Московского университета по кафедре римского права. В дальнейшем его кандидатура после одобрения в этой должности попечителем учебного округа была утверждена соответствующим приказом Министерства народного просвещения. «На следующем заседании Совета 7 марта 1881 г. комиссия представила проект положения об организации студенческих обществ, хотя единогласия среди ее членов не было, ряд из них, в т.ч. С.А. Муромцев, заявили об особом мнении» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л. 33 об. - 37).

С принятием Устава 1884 г. полномочия инспектора студентов значительно возросли. Инспекторам теперь разрешалось наблюдать за студентами не только в стенах учебных заведений, а по необходимости и вне вузов. Вместе с тем численность корпуса инспекторов, по соотношению к корпорации студентов вряд ли позволяет говорить о становлении института тотальной слежки, о которой немало писали современники. Данное нововведение привнесло резонанс в студенческие круги и соответственно получило негативный отклик российской интеллигенции за новую степень своей несвободы (ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 4. №2404).

В данный период Министерство народного просвещения выступало одновременно в качестве создателя и исполнителя внутреннего нормативного творчества, изменившего устав и ориентированного на ограничение самоуправления студенческими организациями. Формально академические студенческие общества могли создаваться и осуществлять деятельность только при тотальном контроле со стороны университетской администрации. Министерство народного просвещения это направление деятельности студенчества организационно выделило в отдельное делопроизводство «О принятии мер к предупреждению студенческих организаций» (РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1355. Л. 74–75об.).

Важное значение в деле разработки механизмов управления сферой молодежной политики отводится Всероссийскому совещанию руководителей высшей школы (1889 г.). Резолюция данного консилиума легла в основу разработки новой нормативно-правовой базы, регламентирующей университетскую политику эпохи вузовского реформирования Александра III. В целом совещание проходило под эгидой Министерства народного просвещения, председательствующим был избран профильный министр Н.П. Боголепов. Участниками совещания были выработаны важные положения, которые легли в основу разработки стратегии развития высшей школы в целом и элементов молодежной политики в частности (Аврус, 2001: 65).

Основной темой совещания стали перспективы укрепления сотрудничества педагогической корпорации со студенчеством в целях повышения эффективности организации университетской работы. Особое внимание было уделено развитию воспитательного компонента учебного процесса и поддержанию благоприятного климата. «Впервые масштабно пошла речь об учебно-воспитательном процессе как едином многокомпонентном процессе» (Аврус, 2001: 68). Участники встречи актуализировали вопрос о нравственных механизмах процесса взаимодействия администрации университета и преподавательской гильдии со студенчеством.

Отдельной темой данного консилиума стало обсуждение вопроса о внедрении в учебный процесс высшей школы новых форм проведения занятий в формате «практических». Эти меры были нацелены на упорядочение в высших учебных заведениях учебно-методической, воспитательной и организационной работы. По итогам совещания были приняты магистральные направления

совершенствования деятельности студенческой инспекции и определены базовые ориентиры разработки нормативно-правовой базы создания, функционирования и осуществления контроля за деятельностью самостоятельных студенческих организаций как направления политики государства.

Следует сказать, что на фоне развития студенческих объединений параллельно протекал процесс самоорганизации рабочей молодежи, пусть и не так активно. В 1885 г. создается «Общество содействия поднятию морального, интеллектуального и материального положения рабочего класса в России», которое позже трансформировалось в «Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых» (Рабочий, 1926: 59, 66). Основные цели данного объединения были направлены на создание условий для оптимального включения рабочей молодежи в социум и повышения ее социально-культурного потенциала. В данном направлении активно создавались библиотеки, кассы взаимопомощи и кружки по самообразованию.

В 1890–1891 гг. в России повсеместно создавались молодежные объединения демократического толка. «Деятельность тайных обществ была отмечена в Московской, Петербургской, Казанской, Самарской, Уфимской, Тверской и Ярославской семинариях» (Кострикин, 2009: 123). Ярким примером выступает «кружок Круковского-Мандельштама», который был создан в 1891 г. совместными усилиями студентов Московского университета и Технического училища для распространения агитационных изданий группы «Освобождение труда». Полиция в скором времени ликвидировала кружок, а его состав перешел в кружок Винокурова-Мицкевича, абсолютно идентичный по целевой ориентации (Иванов, 2004: 39).

В 1896–1897 гг. в ответ на запрет для семинаристов поступать в университеты после окончания четырех общеобразовательных классов слушатели семинарий «создают Центральный комитет союза объединенных семинарий, в состав которого вошло около 25 кружков. Результат их активной работы и выступления против данного запрета вытекли в беспорядки весны 1899 г. в Казанской и Псковской семинариях» (ГАНУ. Ф. 117. Оп. II. Д. 430. Л. 118). Таким образом студенчество начинает вступать в противоречие с официальной линией властей, что потребовало корректировки в политике социализации этой социальной группы.

В начале февраля 1899 г. в Санкт-Петербургском университете была зафиксирована первая студенческая забастовка, которая имела всероссийский масштаб. Она была ответом студенчества на попытки ректора в день основания университета предупредить угрозой репрессий их выступления. Затем последовали столкновения с полицией, что спровоцировало конфликт. «В резолюции многотысячной сходки говорилось о том, что студенты объявляют университет закрытым и будут добиваться его официального закрытия. Там же предполагались исключительно мирные средства борьбы за нарушенные права» (Кострикин, 2009: 126). Для нас же в рамках рассматриваемой проблемы интересен факт в данной резолюции о требованиях студентов, касающихся всеобщего опубликования тех инструкций, которыми должны руководствоваться полиция и администрация относительно студентов.

Данные требования студенческой сходки, во-первых, послужили основой для пересмотра нормативно-правового механизма регулирования государственной молодежной политики, а во-вторых, укрепили в общественном сознании студентов необходимость отстаивать свои права.

Студенческое выступление в Санкт-Петербургском университете поддержали 17 учебных заведений города, в том числе военной и духовной направленности. В 1901 году студенческие волнения охватили вузы в Москве, а вскоре они разнеслись по всем вузам России (ЦАГМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 25. Л. 14–15 об., 18–19 об.).

Стоит упомянуть о достаточно критичном взгляде премьера-министра С.Ю. Витте на события, связанные со студенческими выступлениями. В его записке к специальному совещанию министров от 17 февраля 1899 г. явно прослеживается негативная оценка адекватности и эффективности традиционных методов государственной политики в отношении студенчества в данный период: «Есть основания полагать, что приемы, посредством которых желали не пропустить прохождение толпою по городу собравшейся на акт возбужденной молодежи, не были вполне тактичны» (Студенческое движение 1899 года, 2012: 48).

Тем не менее, несмотря на поддержку ряда министров прогрессивных мер государственного регулирования молодежной политики, император Николай II остановился на курсе полицейских репрессий. Более 2 тыс. человек были высланы из Санкт-Петербурга, а участники акций подверглись исключению из университета (Рабочий, 1926: 71). Но ограничивающие и усмирительные мероприятия со стороны властей не только не остановили студенческое движение, а, напротив, усилили деятельность активистов.

Аналогичные процессы шли и среди учащихся духовных учебных заведений. В 1901 г. волнения среди молодежи проходят в Тульской и Калужской семинариях, а в следующем году уже и в Пензенской, Тверской, Полтавской, Вятской, Сибирской и Подольской (ЦАГМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 27. Л. 21 об.).

В дальнейшем в этот процесс были интегрированы все новые и новые учебные заведения. В результате активизации движения семинаристов был основан «Российский общесеминарский союз», который следует расценивать как первую всероссийскую молодежную организацию, причем ее численность насчитывала более 10 тыс. членов (ЦАГМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 27. Л. 39).

Регулярные съезды семинаристов легли в основу системы управления данной организацией, ориентированной в большей мере на реформистскую идеологию.

Первый съезд РОСа утвердил подробную многостороннюю программу о специфике семинарской жизни. Полнота проработки конкретных вопросов данной программы могла послужить основой для коренной реформы системы духовного образования. Собственно политических требований делегатами съезда выдвинуто не было, а остановились на подобию тред-юнионизма (ЦАГМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 27. Л. 41).

В результате дальнейших событий Первой русской революции 1905–1907 гг. правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки в отношении требований семинаристов. Так, например, было выполнено базовое требование, касающееся отмены запрета учащимся духовных учебных заведений поступать в университеты.

В целом активизация студенческого движения в 1899–1902 гг. отразилась на самоорганизации и одновременно на политизации данной социальной группы. «Характерными чертами молодёжного движения начала XX века являются его заметная политическая дифференциация, выдвижение на авансцену революционной борьбы политических партий, борющихся за влияние на молодёжь, стремление студенчества и учащихся к созданию самостоятельных союзов и организаций, к объединению усилий в масштабах страны» (Матвеева, Комарова, 2015: 128–129).

Правительство было не в состоянии разделить студенчество на два сектора. Ему не удалось вычлнить академическую часть данной когорты, способную минимизировать наличие второй, политизированной. Начался процесс организации первых групп, идентифицирующих себя по политической принадлежности. В начале 1899 г. в Санкт-Петербургском университете создаются «группы «независимых», «единомыслящих», «вольномыслящих», «буржуазных радикалов», «обструкционистов», «действительных обструкционистов» и пр.», а в 1902–1903 гг. в вузах России возникают студенческие организации и группы учащихся радикального толка социал-демократической ориентации (Меркулова, Черкасов, 2008: 33).

Теперь резолюции студенческих съездов в своем большинстве отражали радикальную ориентацию студенческого движения. К примеру, манифест Киевского Всероссийского студенческого съезда от марта 1902 года гласил, что «осуществление университетской автономии шло бы вразрез с правительственной тенденцией, заглушающей всякое стремление к самостоятельности» (Сапрыкин, 2009: 101–102). Следовательно, защита студенчеством своих академических прав и свобод, указывала на явные элементы политической борьбы против политики правительства.

На фоне перечисленных событий продолжается процесс формирования механизмов государственного управления сферой молодежной политики в России. Здесь следует отметить тот факт, что создание специализированного, отраслевого органа управления сферой молодежной политики как в отечественной, так и в мировой практике, относится к более современным (поздним) этапам развития общества. Структуры, призванные выполнять функции по реализации отдельных направлений ГМП, в рассматриваемый нами период были отнесены к общей сфере социальной политики.

Отдельно следует сказать о негативной государственной молодежной политике, когда правительство вынуждено было оперативно реагировать на противостояние молодежи и созывать чрезвычайные органы. Подобными мерами могут служить:

- создание Николаем II специальной комиссии в ответ на стачку студентов Санкт-Петербургского университета в 1899 г.;

- формирование «Временных правил о воинской повинности» от 29 июля 1899 г., на основании чего был создан механизм перевода студентов, нарушавших регламент поведения в вузе, в разряд солдат. В каждом университете собиралось Особое Совещание, наделенное специальной компетенцией по дисциплинарному наказанию студентов, участвующих в сходках. В состав данной комиссии входили представители педагогической коллегии, а также представители Военного министерства, Министерства юстиции и Внутренних дел (Ганелин, 1989: 114–115).

- создание комиссии для разработки проекта реформирования системы образования в России, возглавляемого П.С. Ванновским. Суть данной реформы заключалась во введении всеобщего образования. Теоретические основы, которые были заложены в концепцию развития образования, отражали стремление выстроить в России единую систему типовых учебных заведений (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 261. Л. 6-7).

В переписке С.Ю. Вите с П.С. Ванновским в начале ноября 1901 г. выражал мнение в отношении проекта реформы образования в следующем ключе: «Единство школы выражается и в том, что, независимо от свойства преподаваемых в ней предметов, она должна развивать умственные способности учащихся, призывать их к труду, воспитывать в них волю и характер, развивать их самостоятельность и чувство долга. Наконец, единство школы означает сосредоточение в руках государства заведывания и общего направления школьным делом, ибо вопрос о том, как и чему учиться молодое поколение, какую умственную подготовку оно получает, какой запас знаний пополняется в стране, это вопрос всего ее будущего, вопрос первостепенной государственной важности» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 261. Л. 6-7). Мы приходим к убеждению, что вектор данной реформы имеет направление в сторону единой концепции образования. Все это позволяет нам

говорить о системной основе элементов государственной молодежной политики в России в сфере образования.

К концу 1901 г. в правила для студентов были внесены существенные поправки. Теперь им дозволялось создавать корпоративные организации, как официальные, так и частного характера: научно-литературные кружки, кассы взаимопомощи, лавки и магазины с товарами по сниженным ценам, студенческие столовые; на легальных основах функционировал институт старост курсов, разрешалось проводить курсовые собрания и т.д.

Стоит остановиться и на такой особенности становления государственной молодежной политики в высшей школе, как создание проправительственных студенческих организаций. Данные структуры возникали в российских университетах почти параллельно с леворадикальными объединениями. Аргументировано, что их историческим началом следует считать создание в 1902 г. на базе Санкт-Петербургского университета организации «Десница», целью которой была борьба с революционным движением. Устав данной организации мог послужить образцом для дальнейшей деятельности в данном ключе, но из-за ограничения количественного состава до 60 человек такие организации не могли быть массовыми и, соответственно, реально противостоять массовому революционному движению (Иванов, 2004: 41).

13 ноября 1902 г. был утвержден Высочайший Примерный устав, на основании которого действовал целый ряд студенческих организаций правового проправительственного характера. Среди них: «Союз студентов», «Общество русских студентов», «Русское собрание», «Священная лига» и др., которые фактически находились за пределами правового механизма, регламентировавшего сферу государственной молодежной политики в вузах (Иванов, 2004: 42-43).

События Первой русской революции 1905–1907 гг. сыграли важную роль в изменении структуры органов управления, реализующих государственную молодежную политику в сфере высшего образования.

27 августа 1905 г. Советам университетов значительно расширили степень их автономии, а осенью 1906 г. был упразднен институт инспекции в университетах. Теперь студенчество контролировалось отделами выборных проректоров. Нельзя не сказать, что вводимые меры контроля для большинства студентов оказались противоречивы. В годы революционного напряжения правительство вынуждено было мириться порой с явным пренебрежением студенческими организациями правил оформления уставных документов, а иногда и разрешения на создание. Спад революционной ситуации дал возможность правительству обрести контроль над силовыми структурами и, соответственно, ужесточить его над деятельностью студенческих организаций. Все более распространяется практика доминирования силовых методов вмешательства в частную университетскую жизнь «как в части организации самостоятельной жизни студенчества, так и в части обеспечения идеологической стерильности учебного процесса» (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 12. Л. 118).

В начале 1908 г. Министерство народного просвещения приступает к активной контрольно-надзорной деятельности. Одним из направлений этой работы было получение от ведущих преподавателей университетов личных обязательств об их политической лояльности к органам государственной власти. Одновременно велась масштабная кампания по увольнению из учреждений, подведомственных Министерству народного просвещения, лиц, заподозренных в сотрудничестве с «антигосударственными и противоправительственными обществами и организациями» (Аврус, 2001: 79).

На основании циркуляра министра просвещения А.Н. Шварца 31 мая 1908 г. в Московском университете были отстранены от занятий женщины-слушательницы. Уже в июле 1908 г. пришел новый циркуляр об упразднении институтов студенческого представительства (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 100. Л. 82–83).

В сентябре 1908 г. в знак протеста и защиты университетской автономии студенчество вышло на Всероссийскую забастовку, где был избран временный Коалиционный совет. Совет отвечал за организационную работу, руководство студенческим движением и координацию работы Совета факультетских старост как коллегиального органа студенческого управления (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 42. Л. 16).

Стоит обратить внимание на тот факт, что правительство различными способами поощряло студенческие организации правого толка, что имело конкретные и продуктивные результаты. Так, в октябре 1908 г., в Санкт-Петербурге был организован Академический союз студентов, целью создания которого являлся отказ молодых граждан от участия в политических акциях. Главным направлением деятельности стало обеспечение «правильного и спокойного» течения академической жизни. Данное студенческое движение достаточно быстро стало распространяться по России. На местах оно несколько трансформировалось уже как объединение монархического характера: так, например, в Киеве была создана «Партия академического порядка»; в Казани – «Общество русской монархической молодежи» и т.д. (Урланис, 1968: 96).

Деятельность проправительственных студенческих организаций повлияла и на получение образования женщинами. В октябре 1907 г. в Москве был организован «Русский женский кружок учащихся г. Москвы», Устав которого содержал следующие положения о его создании: «для нравственного оздоровления и возрождения Русской женской высшей и средней школы,



освобождения ее от всякой революционной пропаганды и деятельности и проведения в жизнь принципов – школа для занятия наукой» (*Деятельность русского женского кружка, 1909: 49*).

Таким образом, главный призыв проправительственных студенческих организаций заключался в снижении политической активности студентов и направлении их энергии в русло развития науки и образования. Своего рода ключевым фактором в изменении системы государственного управления молодежной политикой в сфере университетского образования стало Положение, утвержденное Советом министров 11 июня 1907 г., которое определяло дальнейший порядок деятельности студенческих корпораций в вузах. Общие принципы, лежащие в основе данного нормативного правового акта, отражали тенденцию ужесточения правительственного контроля за деятельностью студенческих организаций и движений (*ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 80*).

В ноябре 1910 г. вновь прокатывается волна массовых протестных студенческих акций. Правительство было вынуждено принимать меры, направленные на предупреждение протестной активности студенчества. Так, 11 января 1911 г. Советом Министров было принято решение, указывающее на временное запрещение во всех вузах проведения любых собраний. Еще одним радикальным методом борьбы с забастовками следует назвать массовое отчисление из университетов студентов, принимавших в них участие. Подобные репрессивные способы в сочетании с массовыми арестами участников протестных акций во многом ослабили активность леворадикальных студенческих организаций (*РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 101. Л. 49*).

Указанные события прямым образом отразились на политике управления в университетах. 27 января 1911 г. в Московском университете полиция провела ряд оперативно-розыскных мероприятий. Это вызвало крайнее недовольство у руководства вуза. В знак протеста ректор А.А. Мануйлов и его помощники подали прошение Министру народного просвещения Л.А. Кассо об отставке, которое было поддержано. В знак солидарности к концу февраля 1911 года около 100 профессоров и приват-доцентов университета уволились. Фактически данный акт способствовал, во-первых, смене профессорско-преподавательского состава университета, а во-вторых, жесткому переходу правительства в лице Министерства народного просвещения к практике регламентации сегмента студенческого самоуправления в сфере государственной молодежной политики.

## 5. Заключение

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что становление системы органов управления, реализующих государственную молодежную политику в дореволюционной России, шло в русле развития системы образования, в первую очередь – в вузах. Параллельно возрастало влияние прогрессивного студенчества на молодежную политику государства, а также нормативно-правовое регулирование данной сферой. Наибольшее значение в процессе управления государственной молодежной политикой в контексте университетского образования имеют Министерство народного просвещения, Военное министерство. Это было отражением общеевропейских тенденций, когда начиная с XIX в. в западно-европейских государствах начался процесс институционализации системы управления социализацией населения, а также разработкой законодательства, регламентирующего деятельность системы академического образования.

С начала XIX в. в России, как и в Европе, формируются единообразные национальные системы образования с их параллельной законодательной регламентацией, системой ведомственного управления, разработкой и утверждением типовых уставов учебных заведений всех уровней.

В условиях реформирования образования университетская среда стала ареной формирования политической позиции студенческих лидеров. При этом корпоративные требования студенчества сменились на политические, а лейтмотивом стала революционно-демократическая повестка дня. Однако в случае активизации молодежных волнений корпоративные студенческие общества в первую очередь попадали под репрессии и государственные санкции.

Таким образом, по мере развития студенческой корпорации развивается нормативно-правовая база, регламентирующая студенческое самоуправление. Медленными темпами развивается система органов управления молодежной политикой, реализующих преимущественно надзорно-контрольные функции. Имела место и практика создания временных органов специальной компетенции, по преимуществу с совещательными функциями. Однако общий уровень развития социальных отношений не ставил на повестку дня вопрос о создании постоянного органа управления специальной компетенции и формирования молодежной организации универсального характера.

## Литература

*Аблязов, 2006* – Аблязов К.А. Устав университетов 1884 г.: история подготовки и характеристика его основных положений // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2006. №12. С. 100–108.

*Аврус, 2001* – Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001. 84 с.

*Ганелин, 1989* – Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Отв. ред. Г.А. Тишкин. Л., 1989.

ГАНО – Государственный архив Новгородской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Деятельность русского женского кружка, 1909 – Деятельность русского женского кружка учащихся г. Москвы: Отчет за 1907–1908 год // *Мирный труд*. 1909. № 5. С. 40–50.

Елисеев и др., 2015 – Елисеев А.Л., Малик Е.Н., Мельников А.В. Специфика социально-политического самоопределения современной российской молодежи // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 3. С. 83–93.

Иванов, 2004 – Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: новый хронограф, 2004. 408 с.

Кострикин, 2009 – Кострикин А.В. Студенческая революция 1899 года: к 110-летию событий // *Credo New*. 2009. № 4 (60). С. 118–132.

Леонов, 2003 – Леонов С.В. «Разруха в головах». К характеристике русского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.) // *Мировосприятие и самосознание русского общества*. Вып. 4. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М.: ИРИ РАН, 2003. 97 с.

Матвеева, Комарова, 2015 – Матвеева Е.С., Комарова М.С. Особенности становления молодежного движения в дореволюционной России // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2015. № 4(19). С. 125–132.

Меркулова, Черкасов, 2008 – Меркулова Л.К., Черкасов А.А. К формированию социально-психологического портрета учащегося первой трети XX века (1900–1930 гг.): некоторые черты // *Былые годы*. 2008. № 3 (9). С. 32–34.

Организация и методика работы, 1934 – Организация и методика работы в высшей школе / Под ред. И.Г. Автухова. М., 1934.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской Империи.

Рабочий, 1926 – Рабочий Д. В тисках «молодежь в царском подполье». Владимир: «Призыв», 1926. 78 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сапрыкин, 2009 – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. Монография. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

Студенческое движение 1899 года, 2012 – Студенческое движение 1899 года: Сб. под ред. А.В. Чертковых. М.: Книга по Требованию, 2012. 69 с.

Студенческие корпорации, 1914 – Студенческие корпорации в Петербургском университете // *Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников*. СПб., 1914. Вып. 1.

Урланис, 1968 – Урланис Б.Ц. История одного поколения (социально-демографический очерк). М.: «Мысль», 1968. 268 с.

ЦГАМ – Центральный государственный архив города Москвы.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, 1927 – Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, посвященный 10-й годовщине Октябрьской революции. Л., 1927. С. 93–95.

Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M. Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II // *Bylye Gody*. 2013. № 30 (4). С. 88–93.

## References

Ablyazov, 2006 – Ablyazov K.A. (2006). Ustav universitetov 1884 g.: istoriya podgotovki i kharakteristika ego osnovnykh polozhenii. [Charter of universities of 1884: history of preparation and characteristic of its basic provisions]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. №12. pp. 100–108. [in Russian].

Avrus, 2001 – Avrus A.I. (2001). Istoriya rossiiskikh universitetov. [History of the Russian universities]. Ocherki. M., 84 p. [in Russian].

Ganelin, 1989 – Ganelin R.Sh. (1989). Peterburgskii universitet i pravitel'stvennaya politika (iz istorii studencheskogo dvizheniya) [The St. Petersburg university and government policy (from history of the student's movement)] // *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta*. T. 6. Otv. red. G.A. Tishkin. L. [in Russian].

ГАНО – Gosudarstvennyi arkhiv Novgorodskoi oblasti [State archive of the Novgorod region].

ГАРФ – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

Deyatel'nost' russkogo zhenskogo kruzhka, 1909 – Deyatel'nost' russkogo zhenskogo kruzhka uchashchikhsya g. Moskvy: Otchet za 1907–1908 god [Activities of the Russian female circle of pupils of Moscow: The report for 1907–1908]. *Mirnyi trud*. 1909. № 5. pp. 40–50. [in Russian].

Eliseev i dr., 2015 – Eliseev A.L., Malik E.N., Mel'nikov A.V. (2015). Spetsifika sotsial'no-politicheskogo samoopredeleniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Specifics of socio-political self-determination of modern Russian youth] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 3. pp. 83–93. [in Russian].

Ivanov, 2004 – Ivanov A.E. (2004). Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX v.: opyt kul'turnoi i politicheskoi samoorganizatsii. [Student's corporation of Russia of the end XIX – the beginning of the 20th century: experience of cultural and political self-organization.] М.: novyi khronograf. 408 p. [in Russian].

[Kostrikin, 2009](#) – *Kostrikin A.V.* (2009). Studencheskaya revolyutsiya 1899 goda: k 110-letiyu sobytiy [Student's revolution of 1899: to the 110 anniversary of events]. *Credo New*. № 4 (60). pp. 118-132. [in Russian].

[Leonov, 2003](#) – *Leonov S.V.* (2003). «Razrukha v golovakh». K kharakteristike rossiiskogo massovogo soznaniya v revolyutsionnuyu epokhu (1901–1917 gg.) [«Ruin in the heads». To the characteristic of the Russian mass consciousness during a revolutionary era (1901–1917)] // *Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva*. Vyp. 4. Mental'nost' v epokhi potryaseniya i preobrazovaniya. M.: IRI RAN. 97 p. [in Russian].

[Matveeva, Komarova, 2015](#) – *Matveeva E.S., Komarova M.S.* (2015). Osobennosti stanovleniya molodezhnogo dvizheniya v dorevolyutsionnoi Rossii [Features of formation of youth movement in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. № 4(19). pp. 125-132. [in Russian].

[Merkulova, Cherkasov, 2008](#) – *Merkulova L.K., Cherkasov A.A.* (2008). K formirovaniyu sotsial'no-psikhologicheskogo portreta uchashchegosya pervoi treti XX veka (1900–1930): nekotorye cherty [To formation of a social and psychological portrait of the pupil of the first third of the 20th century (1900–1930): some lines]. *Bylye Gody*. № 3 (9). pp. 32-34. [in Russian].

[Organizatsiya i metodika raboty, 1934](#) – Organizatsiya i metodika raboty v vysshei shkole [The organization and technique of work at the higher school]/ pod red. I.G. Avtukhova. M., 1934. [in Russian].

PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii.

[Rabochii, 1926](#) – *Rabochii D.* (1926). V tiskakh «molodezh' v tsarskom podpol'e» [In a vice «youth in an imperial underground».]. Vladimir: «Prizyv», 1926. 78 p. [in Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.

[Saprykin, 2009](#) – *Saprykin D.L.* (2009). Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii [Educational capacity of the Russian Empire]. Monografiya. M.: IIET RAN, 2009. 176 p. [in Russian].

[Studencheskoe dvizhenie 1899 goda, 2012](#) – Studencheskoe dvizhenie 1899 goda [Student's movement of 1899]: Sb. pod red. A.V. Chertkovykh. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2012. 69 p. [in Russian].

[Studencheskie korporatsii, 1914](#) – Studencheskie korporatsii v Peterburgskom universitete [Student's corporations at the St. Petersburg university] // *Russkie universitety v ikh ustavakh i vospominaniyakh sovremennikov*. SPb., 1914. Vyp. 1. [in Russian].

[Uralnis, 1968](#) – *Uralnis B.Ts.* (1968). Istoriya odnogo pokoleniya (sotsial'no-demograficheskii ocherk) [History of one generation (social and demographic sketch)]. M.: «Mysl'». 268 p. [in Russian].

TsGAM – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy [The central state archive of Moscow city].

TsGIA – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [The central state archive of St. Petersburg].

[Yubileinyi sbornik Voenno-meditsinskoii akademii, 1927](#) – Yubileinyi sbornik Voenno-meditsinskoii akademii, posvyashchennyi 10-i godovshchine Oktyabr'skoi revolyutsii. [The anniversary collection of Army medical college devoted to the 10th anniversary of the October revolution.] L., 1927. pp. 93-95. [in Russian].

[Molchanova et al., 2013](#) – *Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M.* (2013). Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. № 30 (4). pp. 88–93.

УДК 323-053.6

## Становление системы государственного управления молодежной политикой в сфере университетского образования в России на рубеже XIX–XX вв.

Павел Меркулов<sup>a, \*</sup>, Елена Малик<sup>a</sup>, Владимир Филонов<sup>a</sup>

<sup>a</sup> Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал, Российская Федерация

**Аннотация.** Авторы статьи изложили авторскую концепцию исторического опыта формирования, становления и генезиса государственной молодежной политики в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Процесс институционализации государственной молодежной политики рассматривается в контексте университетского образования. Авторы приводят аргументированные доказательства, что именно эта сфера социальной политики определила становление правового статуса студенческой молодежи, который целенаправленно определяется государством для достижения постулированных целей. Управление в сфере государственной

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [merkulov-pa@ranepa.ru](mailto:merkulov-pa@ranepa.ru) (П. Меркулов), [malik57-elena@mail.ru](mailto:malik57-elena@mail.ru) (Е. Малик), [kaf\\_mdp@orel.ranepa.ru](mailto:kaf_mdp@orel.ranepa.ru) (В. Филонов)

молодежной политики в дореволюционной России шло в русле с развитием системы образования, в первую очередь в вузах.

Молодежную политику авторы статьи рассматривают как системообразующий институт государственного управления, находящий свое выражение в целенаправленной деятельности органов государственной власти общей и специальной компетенции. Основным направлением здесь выступает создание нормативно-правовой базы молодежной политики, регламентирующей деятельность студенчества, преподавательской корпорации и института высшего образования в целом.

Авторами ясно сформулировано, что в условиях реформирования образования университетская среда в дореволюционной России начала XX века стала ареной формирования политической позиции студенческих лидеров. При этом корпоративные требования студенчества сменились на политические, а лейтмотивом стала революционно-демократическая повестка дня. Активно формируются студенческие проправительственные организации с целью минимизировать влияние радикальных молодежных объединения на студенчество. Таким образом, по мере развития студенческой корпорации расширяется сфера контроля над университетской жизнью, деятельностью органов самоуправления, а прежде всего над идеологическими и политическими установками.

**Ключевые слова:** молодежь, государственная молодежная политика, государственное управление, студенчество, университет, система образования, высшее образование.